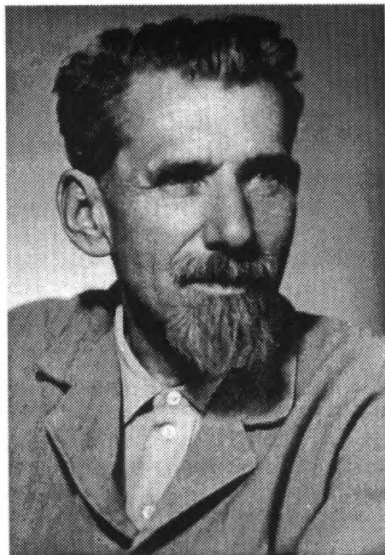

НАУКА В ЛИЦАХ

А. И. Романчук

ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ СУРОВ

К 45-летию Крымской археологической экспедиции Уральского университета

Марк Аврелий – император и философ II века н. э. – советовал: «Напиши родителям, прости врагам, помирись с друзьями, вспомни об учителях». Мы не сразу прощаем своим врагам, забываем помириться с друзьями, не так часто пишем родителям, но помнить об учителях должны всегда. Поэтому сегодня, отмечая юбилей Крымской археологической экспедиции, следует вспомнить о ее создателях – наших учителях.

Евгений Георгиевич Суров (1912–1971) принадлежал к числу тех счастливых натур, у которых сразу и на всю жизнь определилось призвание быть учителем и в юности сложились научные интересы – изучение истории античного Херсонеса.

После окончания семилетки в г. Ельце он поступил в педагогическое училище, затем в Московский педагогический институт им. В. И. Ленина. В годы учебы в институте Е. Г. Суров заинтересовался экономической историей Херсонеса (работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена виноделию Херсонеса античного периода)¹ и в совершенстве овладел лекторским мастерством. В последующем

© А. И. Романчук, 2004

на его лекциях в университетской аудитории мы вместе с ним оказывались то у пирамид Египта, то на народном собрании Афинского полиса; вместе со студентами он вслушивался в бряцание оружия и стоны раненых в последней битве Спартака.

Очередной свой учебный год (1941) Е. Г. Суров встретил в качестве доцента Свердловского педагогического института. По состоянию здоровья он не мог быть среди тех, кто защищал страну в грозные годы Великой Отечественной войны, но сделал все, что мог, чтобы сохранить ценности, являвшиеся достоянием нашей истории.

К этим тяжелым дням восходит дружба между свердловчанами и сотрудниками Херсонесского заповедника (в настоящее время он называется Национальный заповедник «Херсонес Таврический»).

Осенью 1941 г. началась для херсонеситов долгая дорога в эвакуацию. Когда после многомесячного пути из Севастополя в Свердловск прибыли архив и находки из Херсонеса, пострадавшие от многочисленных бомбежек, Е. Г. Суров вместе со студентами стал добровольным помощником сопровождавшего херсонесские древности С. Ф. Стржелецкого.

Вот что писал осенью 1941 г. С. Ф. Стржелецкий в дневнике: «Жизнь в музее замирает. В Херсонесе увеличивается количество военных. Приходится много внимания уделять охране памятников городища. Ежедневно по несколько раз делается обход городища, и в один из них вместе с полуразвалившейся стеной я упал в глубокий подвал»².

18 сентября 1941 г. груз, состоявший из 108 ящиков, включавший отчеты, книги, негативы и некоторые наиболее ценные находки, был погружен на одно из последних покидавших севастопольский порт судов и взял курс на Кавказ. Началась долгая дорога на северо-восток. Дорога, длившаяся три месяца. Только в конце декабря вагон с материалами из Херсонеса прибывает в Свердловск.

Ящики с находками и архивными делами, неоднократно попадавшие под обстрел, разрушающиеся от дождя и снега бумаги и негативы, страдающие от голода и морозов люди (С. Ф. Стржелецкий был эвакуирован вместе с семьей – двумя малолетними сыновьями и женой) требовали помощи. И она пришла: преподаватель Свердловского педагогического института Е. Г. Суров и студенты помогли привести в порядок архивные дела.

Обратимся еще раз к страницам дневника С. Ф. Стржелецкого: «...Из уральцев особо выделяем Евгения Георгиевича Сурова, доцента Свердловского педагогического института, который не только сам лично включился в работу проверки вывезенного имущества, но привлек к этому делу и своих студентов. В нетопленном помещении, при температуре ниже нуля эти добровольцы самоотверженно трудились для блага музея. В глазах херсонесцев Е. Г. Суров полностью заслужил проксению – равные гражданские права с прирожденными херсонеситами. Что было особенно приятно в этих людях – это сочетание прекрасных деловых качеств с теплым участием к Херсонесскому музею, скитающемуся вдали от своей матери – земли городища»³.

Вероятно, в эти тяжелые полуголодные дни было много бесед о нравственности граждан античного полиса, о высшей добродетели гражданина – служить своему народу, о том, насколько разрушительны войны в любую эпоху. Но несомненно одно: во время работы с архивом Херсонес-

са возникла мечта об организации экспедиции свердловчан для изучения руин этого древнего города.

Нам сегодня невозможно представить условия, в которых рождались научные статьи в годы войны. Также трудно реконструировать содержание бесед, которые могли вести за вечерним скудным военным чаем три человека: С. Ф. Стржелецкий, обретший надежных друзей в далеком от Севастополя уральском городе; Е. Г. Суров, возглавивший позднее Крымскую археологическую экспедицию университета (1958–1962); первый заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского университета, основатель уральской школы византистики М. Я. Сюзюмов. Однако вполне возможно, что именно во время этих вечерних бесед и родился план организации археологической экспедиции в Херсонес. Для Е. Г. Сурова это позволяло проверить его идею о времени строительства рыбозасолочных цистерн. Для М. Я. Сюзюмова Херсонесское городище могло стать своеобразным полигоном проверки идеи о развитии византийского провинциального города в период «темных веков» – в середине VII – середине IX в.⁴

В данном случае следует напомнить, что после раскопок 30-х годов в северной части городища был сделан вывод о том, что рыбозасолочные цистерны сооружаются в первые века нашей эры в связи с размещением римского гарнизона и функционируют до III–IV веков, когда он был выведен из города. Во время анализа архивных документов и отчетов о херсонесских раскопках Е. Г. Суров подсчитал объем обнаруженных до 1940 года цистерн (их насчитывалось к этому времени около 70. К настоящему времени на территории Херсонеса открыто свыше 100 цистерн). Исследователь определил возможное количество рыбы, которая могла быть приготовлена в них, и усомнился в правомерности существовавшей точки зрения о причинах и времени строительства рыбозасолочных цистерн.

В 1958 г. мечта о создании экспедиции была претворена в жизнь. Одной из задач экспедиции и стала проверка выводов, сделанных по архивным материалам.

Организатором Крымской археологической экспедиции Уральского университета стал доцент Е. Г. Суров (на работу в университет он перешел в 1955 году).

Часто об итогах научной деятельности судят по количеству опубликованных работ. Если подходить с этих позиций к деятельности Е. Г. Сурова по изучению истории Херсонеса, то она не была особенно плодотворной; за 1948–1970 годы он написал около двух десятков работ, посвященных промыслам Херсонеса, истории государственности данного полиса, обобщил некоторые результаты первых лет раскопок экспедиции университета. Но каждая из работ, выходя из печати, порождала дискуссию, и до сих пор выводы, изложенные в них, находят и сторонников, и противников.

Итак, в годы Великой Отечественной войны, работая над архивом Херсонесского музея, Е. Г. Суров систематизировал свидетельства о рыболовном промысле, обнаруженные им в отчетах о раскопках в Херсонесе. Многочисленный собранный материал о количестве рыбозасолочных цистерн, их размерах позволил сделать вывод о товарном характере промысла во все периоды истории города⁵. Однако отчеты дореволюционных исследований Херсонесского городища и данные о раскопках цистерн на се-

верном берегу, где было обнаружено несколько рыбозасолочных комплексов, исследованных до 1940 года Г. Д. Беловым⁶, не позволяли с полной уверенностью определить, когда они были сооружены. Поэтому одной из целей Крымской экспедиции, у истоков которой стояли, повторим это еще раз, Е. Г. Суров и основатель Уральской школы византистики М. Я. Сюзюмов, стало выявление конструкции и времени строительства и функционирования одной из цистерн – № 33, расположенной на северо-западном участке Херсонесского городища. Одновременно было предпринято исследование западной базилики, раскопанной в 90-х годах XIX века К. К. Косцюшко-Валюжиничем⁷, а также изучение различных сооружений этого района Херсонеса. Раскопки производились здесь в 1958–1962 годах и позволили выявить периодизацию строительной деятельности в данном районе города⁸.

Наиболее ранним из выявленных комплексов являлась западная оборонительная стена, открытая с обеих сторон на протяжении 25 м. Так как она была построена с использованием цемянкового раствора, а ее фундамент «впущен... в мощный культурный слой позднего эллинизма», Е. Г. Суров высказал предположение, что она сооружена позднее IV века до н. э., скорее всего в I–II веках н. э.⁹, кроме того, был открыт фрагмент северной стены, которую он считал самой древней на данном участке фортификации Херсонеса¹⁰. Между западной и северной стенами было раскопано 12 детских погребений в амфорах, относящихся ко 2-му хронологическому периоду – II веку до н. э. Позднее именно здесь и возводится оборонительная стена – западная, строительной траншеей которой разрушены некоторые из захоронений. После этого строительства с внешней стороны крепостной ограды Херсонеса были размещены склепы, которые на основании находок монет были датированы III–IV веками н. э.

Изучение ранних материалов в северо-западном районе Херсонесского городища позволило Е. Г. Сурову проследить увеличение территории города во II веке до н. э. и связанное с ним фортификационное строительство, а также сделать вывод о длительном существовании у западных стен некрополя, что свидетельствовало об устойчивости топографической традиции.

Раскопки одного из склепов дали чрезвычайно интересный материал для изучения строительного дела и ремесла в Херсонесе, в частности, была обнаружена большая коллекция керамических строительных материалов, использованных для закладки одной из лежанок в склепе. Е. Г. Суров полагал, что в склепе, принадлежавшем одной семье, были похоронены как язычники, так и христиане. Именно поэтому эта лежанка оказалась изолированной, и около останков погребенного не встречены обычно сопровождавшие усопших в античный период посуда, предметы быта или ремесленного инвентаря, отсутствовал здесь и «обола Харона», который иногда является единственной находкой в некоторых погребениях.

На кирпичах, которые были использованы для возведения стенки, изолировавшей лежанку от остальной части склепа, имелись знаки, нанесенные до обжига. Они представляли собой различные сочетания прямых, зигзагообразных и дугообразных линий¹¹. По мнению Е. Г. Сурова, их нанесли на полуфабрикат для того, чтобы пометить продукцию, изготовленную одним мастером, что свидетельствует о применении свободного труда в керамическом производстве, ибо для раба было не важно количество

произведенной продукции¹². Вряд ли наличие таких знаков на кирпичах можно рассматривать как прямое указание на социальное положение ремесленников, но предположение, к которому Е. Г. Суворов привел своих учеников непосредственно на раскопе, являлось примером логического построения исторического вывода, показывало интерпретационные возможности археологического источника. Как и на лекциях, исследователь призывал аудиторию к размышлению и дискуссии, умению на материале одного из источников строить возможные гипотезы.

Особый интерес в процессе раскопок склепа вызвала находка плиты, которая закрывала вход в него. Она представляла собой проксенический декрет 130/131 года до н. э. в честь Папия. Сравнение ее с декретом 129/130 года до н. э. в честь Диа... Гераклеяца позволило получить новые уникальные данные для изучения государственного строя Херсонеса¹³.

Другим значительным итогом раскопок первых лет стало изменение представлений о времени развития рыбозасолочного промысла. Раскопки показали, что склеп первой половины V века был «закрыт» во время строительства цистерны № 33 ее стенкой. При существовавшем в древности почитании умерших цистерна не могла быть построена сразу после прекращения использования склепа; должно было пройти некоторое время, прежде чем стало возможным новое строительство. Следовательно, цистерна не могла возникнуть ранее конца V – начала VI века¹⁴.

Выше уже отмечалось, что до раскопок Е. Г. Сурова на северо-западном участке Херсонесского городища строительство цистерн датировалось на основании изучения их заполнения и считалось, что они возникают в первые века нашей эры и используются для засолки рыбы до IV века н. э. Причиной строительства цистерн являлось расширение торговых связей и увеличение спроса на продукты питания, в особенности в связи с необходимостью снабжать римских легионеров дешевыми морскими продуктами¹⁵. Поэтому и прекращение строительства цистерн связывалось с выводом римских гарнизонов из Северного Причерноморья.

Вряд ли только эти причины привели к масштабному использованию цистерн для засолки рыбы, следует учитывать и климатические изменения, наступившие на рубеже нашей эры (подъем уровня моря и потепление), которые привели к увеличению рыбных стад¹⁶. Далее, вряд ли число легионеров было столь велико, что потребовалось строительство значительного количества цистерн для приготовления рыбного соуса.

После раскопок Е. Г. Сурова стало ясно, что рыбозасолочные цистерны продолжали строить и после IV в.¹⁷

Следующий хронологический период, последний на данном участке городища, представлен зданием производственного характера и базиликой, которые были уничтожены во время пожара, относящегося к первой половине XI в.¹⁸

Таким образом, раскопки северо-западной части территории Херсонеса выявили непрерывное использование этого участка на протяжении длительного времени и показали особенности застройки его в различные хронологические периоды.

Говоря о Е. Г. Суворе, нельзя не отметить того факта, что он щедро «дарил» студентам материалы раскопок для публикаций¹⁹.

Следующий этап в развитии Крымской экспедиции относится к 1963 году. Е. Г. Суворов и аспирант кафедры древнего мира и средних веков В. Н. Да-

ниленко поддерживали заведующего античным отделом Херсонесского заповедника С. Ф. Стржелецкого, выступившего инициатором создания Объединенной экспедиции, которая должна была включить в свой состав всех исследователей, работающих в Херсонесе. В 1963 году такая экспедиция была создана, в нее вошли Уральский и Харьковский университеты, Херсонесский заповедник, эпизодически принимали участие в раскопках в рамках Объединенной экспедиции студенты Пермского и Уфимского университетов. Объектом исследования с 1963 г. стал портовый район Херсонеса.

Когдаходишь на территорию заповедника, сразу же за оградой, справа от ворот, видишь возвышающуюся оборонительную стену, ступеньки, ведущие на нее, пилоны античных городских ворот и средневековую калитку. К востоку от античных ворот в XII–XIV веках располагались дома херсонитов. Один из них в 1963–1964 годах изучался Е. Г. Суровым²⁰. Здесь в 1964 году мне, студентке первого курса исторического факультета, довелось впервые на раскопках встретиться со своим научным руководителем Е. Г. Суровым не как с лектором, преподавателем, а как с заботливым человеком, интересным собеседником, который всегда с уважением выслушивал подчас наивные гипотезы и очень тактично, приводя примеры не только из истории, но и из своей жизни, старался помочь прийти к правильному выводу. Это был совместный и увлекательный поиск истины, в котором более знающий и опытный учитель умел остаться в тени и казалось, что ты сам пришел к правильному решению научной проблемы.

С тех пор прошло много лет, но каждый год, приезжая в Херсонес, вспоминаю не только первую встречу с Херсонесом, который стал «научной судьбой» благодаря лекциям и беседам двух моих учителей – Е. Г. Сурова и М. Я. Сюзумова, но и мысленно готовлюсь к отчету перед ними о сделанном. И мне кажется, что стоит поставить портфель и сбегать вниз к участку помещений, расположенных около оборонительной стены, где работал тогда Е. Г. Суров, как навстречу поднимется добрый голубоглазый гном со смеющимися глазами в выгоревшей от солнца куртке и вместо приветствия скажет: «Ну что же, начнем работать вместе. Вот видите...» Этими словами он встретил меня много лет назад, включив сразу же в экспедиционный коллектив и приобщив к результатам труда целого сезона.

И еще одна черта поражала и удивляла в Е. Г. Суrove: он всегда стремился познать новое. Когда ему казалось, что он понял и доказал то, что его первоначально увлекло в научном плане, он менял направление своих поисков. Так после десяти лет раскопок в Херсонесе, когда все казалось хорошо отлаженным в экспедиционном организме, он начинает изучение нового памятника. В 1968 году совместно с Бахчисарайским музеем Е. Г. Суров начал раскопки на плато Мангуп-Кале – исследование дворца, который вошел в научную литературу как «дворец князя Алексея»²¹. В ходе этих работ, сравнительно небольших по объему, был уточнен план комплекса, получены материалы, ставшие основой для изучения хозяйственной жизни Мангупа, данные для реконструкции постройки.

Суrow-исследователь был неразрывно связан с Суrowым-преподавателем. Материалы, полученные во время его летних работ, являлись составной частью специальных курсов по Северному Причерноморью. И говорил ли он об истории Херсонеса или истории изучения в целом этого ре-

гиона, мы видели героев его микроновелл. Историография «наполнялась» судьбами и характерами историков, а не представлялась скучным списком публикаций и перечнем концепций, как подчас было на других лекционных курсах. И хотя первые спецкурсы по истории Северного Причерноморья не стояли у нас в расписании, были полуофициальными, ни один из нас не пропускал очередного занятия. Не делая скидок на студенческое незнание, он стремился быть равным с собеседником, говорил с ним как с более молодым коллегой. В сущности, и опубликованный им спецкурс до некоторой степени является монографическим исследованием, к которому и сегодня обращаются не только студенты в стремлении расширить свои представления об истории Херсонеса, но и исследователи, черпая материал для подтверждения своих гипотез²².

Главное, что сохранилось в воспоминаниях о Е. Г. Суrove как преподавателе и как исследователе – это его стремление пробудить у слушателя интерес к истории и стремление к поиску истины, вызвать сомнения в существующих исторических концепциях, которые он передавал своим многочисленным ученикам и во время учебных лекций, и во время летних экспедиционных работ. И не важно, что многие из нас, его учеников, не стали историками древнего мира, не повторили профессиональный путь своего учителя.

Уходят годы, сменяются поколения студентов, новые люди участвуют в раскопках Херсонеса. Трудно рассказать им об обаянии личности одного из твоих учителей, его целеустремленности и юношеском энтузиазме. Но любой из тех, кто хотя бы раз побывает в некогда славном античном городе, увидит возрожденные к новой жизни дома и улицы, которые хранят память и об Е. Г. Суrove.

В заключение хотелось бы отметить, что первая поездка студентов исторического факультета в 1958 году на раскопки в Херсонес была «профинансирована» за счет собственных средств Е. Г. Суrove, полученных им за отпуск. Только в следующем году Крымская археологическая экспедиция приобрела официальный статус. Пример бескорыстного служения науке, делу изучения Херсонеса, мы, сменившие создателя экспедиции, должны помнить.

¹ См.: *Суrow Е. Г.* К истории виноградарства и виноделия в Херсонессе Таврическом // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28, вып. 1.

² *Стржелецкий С. Ф.* Путевой дневник // Арх. НЗХТ, д. 460, л. 7. Последствия падения были настолько серьезными, что С. Ф. Стржелецкого сняли с военного учета из-за инвалидности, и он был назначен сопровождать музейные ценности, отправляемые на далский Урал.

³ *Стржелецкий С. Ф.* Путевой дневник // Арх. НЗХТ, д. 460, л. 17–40.

⁴ М. Я. Сюзюмов писал в одном из писем, что «Херсонес, Ольвия, Пантикапей и т. д. ценны истории уже только потому, что они распространяли достижения великой античной культуры». Подробнее о значении Херсонеса и работ экспедиции Уральского университета см.: *Поляковская М. А.* Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византийцы. Екатеринбург, 2003. С. 320–323. Особенности развития византийского города в период «темных веков» изложены М. Я. Сюзюмовым в статье «Византийский город (середина VII–середина IX в.)» (ВВ. 1967. Т. 27. С. 38–70).

⁵ См.: *Суrow Е. Г.* Херсонесские цистерны // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1949. Вып. 4; *Он же.* План расположения рыбозасолочных цистерн на территории Херсонеса Таврического // Научные исследования исторического факультета Уральского государственного университета за 1958 учеб. год: Тез. науч. конф. Свердловск, 1959. С. 55–56.

⁶ См.: *Белов Г. Д.* Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв. н. э. // Античный город. М., 1963. С. 61–68.

⁷ К. К. Косцюшко-Валюжинич был первым заведующим херсонесскими раскопками в 1889–1907 годах, организованными Императорской археологической комиссией. С этого времени традиционно ведется отсчет систематического археологического изучения Херсонеса. Начало раскопок восходит к 1827 году. Некоторые итоги изучения базилики изложены в студенческой работе Н. И. Барминой (см.: *Бармина Н. И. Мозаика западной базилики* // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3. С. 166–170).

⁸ См.: *Суров Е. Г. Раскопки Уральского университета в Херсонесе* // Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 65–102; *Он же. Раскопки в северо-западном районе городища* // СХМ. 1961. С. 67–70; *Он же. Раскопки Уральского государственного университета им. А. М. Горького в северо-западном районе Херсонеса в 1959–1960 гг.* // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического. Севастополь, 1961. С. 9–10; *Он же. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического* // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–147. В этой работе Е. Г. Суров основное внимание обращает на те памятники, которые свидетельствуют о сохранении Херсонеса в период «темных веков».

⁹ См.: *Суров Е. Г. Раскопки Уральского университета в Херсонесе*. С. 96 (более точной даты в работе не приведено).

¹⁰ См.: Там же. С. 100.

¹¹ О данном виде продукции гончаров см.: *Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона*. Екатеринбург, 2000. С. 116. Рис. 15.

¹² См.: *Суров Е. Г. Раскопки Уральского университета в Херсонесе*. С. 80.

¹³ См.: *Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись* // ВДИ. 1960. № 3. С. 154–158.

¹⁴ Последующее изучение северо-западной линии фортификационных сооружений Херсонеса показало, что территория, на которой были расположены склеп и цистерна, включена в состав города не ранее середины VI в. (см.: *Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса* // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 60–66; *Она же. Рост территории Херсонеса: По данным изучения оборонительных стен* // АДСВ: Византия и сопредельный мир. Екатеринбург, 1990. Вып. 25. С. 8–24).

¹⁵ См.: *Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: По новейшим раскопкам* // МИА. 1953. № 34. С. 20–22; *Он же. Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв.* // Античный город. М., 1963. С. 66.

¹⁶ См.: *Бурдак В. Д., Щеглов А. Н. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых морских рыб в античную эпоху* // Эколого-морфологические исследования nekтонных животных. Киев, 1966. С. 117–120.

¹⁷ Более поздние раскопки экспедиции университета подтвердили наблюдения Е. Г. Сурова (см.: *Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн Херсонеса* // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45–53).

¹⁸ Наиболее поздние монеты на данном участке датируются временем совместного правления Василия II и Константина VIII (1016–1025) (см.: *Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958–1960 гг.* // Суров Е. Е. Херсонес Таврический. С. 128–139).

¹⁹ См.: *Звиревич В. Т. Древнегреческие керамические клейма из Херсонеса: Раскопки 1961 г.* // АДСВ. 1963. Вып. 2. Прил. С. 8–13. Некоторые клейма были опубликованы также Е. Г. Суrowым (см.: *Суров Е. Г. Керамические клейма из раскопок 1960 года в северо-западной части Херсонесского городища* // АДСВ. 1963. Вып. 2. Прил. С. 1–7).

²⁰ О раскопках тех лет см.: *Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг.* // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7–61.

²¹ См.: *Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангуп в Крыму* // КСИА. 1972. № 129. С. 96–99.

²² Речь идет о книге «Херсонес Таврический» (Свердловск, 1961), первая часть которой являлась публикацией спецкурса, вторая содержала материалы о раскопках экспедиции университета в северо-западном районе Херсонеса.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века, Свердловск, Екатеринбург

ВДИ – Вестник древней истории, Москва

ВВ – Византийский временник, Москва

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

СХМ – Сообщения Херсонесского музея, Севастополь